

Глеб Иванович Успенский

Простое слово

Глеб Иванович Успенский

Простое слово

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666285

Аннотация

«...Я знаю одно: в нашей деревенской, крестьянской жизни, в будничном ее обиходе чрезвычайно редко встретится вам такое явление, которое бы вы не могли тотчас привести в связь с общим ходом жизни деревенского дня, так и с каждой крошечною частностью, из которых этот день соткан; в глубине этих частностей всегда отыщется центр, *главное*, вокруг которого группируются эти частности, которое окрашивает их в тот или другой цвет... Побежал народ куда-то с граблями, – стало быть, идет туча, спешат собирать сено; баба проворно начинает стаскивать с забора развешанное на просушку белье; мужик промчался в пустой телеге, спешит ко дворам, – надо ему что-нибудь сделать «до дождя». Каждая из этих мелочей, частностей, ничем не похожа одна на другую, но у всех у них один общий центр...»

Содержание

I	4
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

Простое слово

I

В темный, неприветливый, непогожий августовский вечер мы – то есть я, моя младшая сестра и одна приезжая гостья (по правде сказать, очень неприятная дама, госпожа Петухова), как-то слишком долго засиделись на галерее (дело было в деревне), и засиделись именно, кажется, потому, что все трое находились в каком-то неподвижно-тяжелом и неприятном расположении духа. Всем нам вообще было нехорошо на душе прежде всего от этого надоедливого дождя: грубо колотит он в тонкую крышу галереи, и колотит как-то бестолково, без малейшего такта, ритма, а как-то вразбивку, вперемежку; он не «идет» ровно и не «шумит» успокоительно, как хороший летний дождь, ровно льющийся на равнину из ровно идущей над землею тучи, а только каплет с неба, каплет грубыми разнозвучными каплями из разорванных клоками туч.

Собственно мое личное настроение духа, кроме этого несносного дождя, неприятного вообще для всех нас, значительно, как мне кажется, осложнялось теми впечатлениями, которые давало мне чтение газеты. Впечатления эти были...

Не знаю, как определить их.

Я знаю одно: в нашей деревенской, крестьянской жизни, в будничном ее обиходе чрезвычайно редко встретится вам такое явление, которое бы вы не могли тотчас привести в связь с общим ходом жизни деревенского дня, так и с каждой крошечною частностью, из которых этот день соткан; в глубине этих частных всегда отыщется центр, *главное*, вокруг которого группируются эти частности, которое окрашивает их в тот или другой цвет... Побежал народ куда-то с граблями, – стало быть, идет туча, спешат собирать сено; баба проворно начинает стаскивать с забора развешанное на просушку белье; мужик промчался в пустой телеге, спешит ко дворам, – надо ему что-нибудь сделать «до дождя». Каждая из этих мелочей, частных, ничем не похожа одна на другую, но у всех у них один общий центр. «Дождик, должно быть, будет!» – говорите вы, глядя и на толпу с граблями, и на бабу, и на мужика.

Но вот у меня в руках, на бумаге напечатан, не крестьянский, «по солнушку» живущий, а просто «газетный» день, и читая его, не можешь уловить, что именно связывает первую строчку газетного листа с последней? Афганистан, слух о санитарной комиссии, что, мол, будет заседать седьмого числа, что Сара Бернар¹ продает свои юбки, осыпанные бриллиантами, что мещанин Каблуков, придя в трактир, потребо-

¹ *Сара Бернар* (1844–1923) – известная французская трагическая актриса, гастролировавшая в России.

вал рюмку водки и нож и, выпив водку, распорол ножом себе горло, объяснив потом в участке, что сделал это с тоски, «так как три месяца жил без прописки паспорта». За мешанином Каблуковым следует обширная кисейная, газовая статья о балете, за балетом плетется унылая-преунылая повесть о неурожае в западном углу Пирятинского уезда; далее еще более плачевное повествование о «кузьке», а за «кузькой» вдруг, как снег на голову, появляется блестящий посланник княжества Монако, и имея по правую руку «Кузьку», а по левую «Ищут (на первой странице) под вторую закладную», а на третьей – после сообщения о короле Альфонсе, который уехал в Сан-Себастьян, – «Ищут собаку», «Доктор принимает больных», «Акушерка с постоянными кроватями» и целая толпа «Ищут!», «Ищут!», «Ищут!», «Студент»... «Дом»... «Сбежал» и, наконец, сам «редактор-издатель».

Спрашивается, где же во всем этом газетном дне то *главное*, что дало бы мне возможность объяснить частности, причину их и порядок их следования в течение газетного дня? В деревне я могу понять, почему, например, вот эта баба теперь, в семь часов пятнадцать минут вечера, поднимается из-под горы с ведрами на плечах, – надо поить скотину, такое время. Но в газетном дне я не знаю, почему мне нужно *знать*, о чем будет 7-го числа рассуждать комиссия, и почему об этом меня необходимо известить при помощи прессы. Однако это совершенно непонятное и не имеющее смысла известие вторгается в мою голову без всяких резонов, втор-

гается в ту минуту, когда я все понимал, что видел перед собою, и заставляет меня без всякой надобности прервать правильное течение мыслей.

Переживешь понятный, объяснимый и связный во всех мелочах деревенский день, так и ночью, если что-нибудь приснится, все будет понятно, все будет продолжением понятных впечатлений дня. Проснешься и отчетливо помнишь, что приснился Егор: шел *будто бы* он за водой, а я *будто бы* спросил его... Все подробно и все, как днем. А как проглотить хороший газетный лист, да, храни бог, добрый редактор после двух дней праздника, желая вознаградить за два утраченных листа бумаги, пришлет «номерок» с надписью «в этом № *восемь* страниц», так ночью уж непременно кричишь, а отчего кричал, что такое приснилось, ни вспомнить, ни рассказать, ни понять, – ничего невозможно. Вот что иной раз творит с нашим братом, деревенским читателем, газета политическая, общественная, литературная и экономическая, особенно когда «в этом № *восемь страниц!*»

В этот несчастный вечер в моих руках и перед моими глазами находился именно такой несчастный, убийственный номер газеты. С «уважаемых» столбцов, без всяких резюмезов, теребили мозг, самой необъяснимой разнокалиберностью впечатлений и, вместе с негармоническим, разнозвучным стуком капель дождя, до последней степени нескладно настраивали все мое существо.

Но что было несравненно тяжелее и мучительнее дождя и

газеты, – так это именно госпожа Петухова.

II

Госпожа Петухова, приехав к нам «отдохнуть», «провести денек», «поговорить», начиная с самого утра и потом почти вплоть до отъезда с ночным поездом, ни на минуту не переставая, пилила всех нас, весь дом, самыми раздражительными, самыми скрежещущими словами, рассказами, мнениями и соображениями. С раннего утра какой-то мрачный фиолетовый бант, укрепленный на самом темени ее сухощавой, со сморщенным лицом голове, трясся от негодования, всплескивал концами лент как бы от ужаса, запрокидывался навзничь от отчаяния и презрения. Ее сын, ее Коля, «этот гениальный мальчик», этот необыкновенный ребенок, который, будучи пяти лет от роду, нарисовал такой домик, что один знаменитый художник побледнел, ахнул и сказал:

– Из него непременно выйдет второй Магомет!

– Может быть, Рафаэль? – поправила ее сестра.

– Мне все равно! Наплевать мне на всех, – отвечала госпожа Петухова, – я люблю моего сына и этого довольно! – И затем непрерывно шли раздирательные монологи, все о том же «гениальном ребенке».

– И *они* смели! Где правда? Сколько низости, гадости в этих инспекторах, директорах, учителях! А все – дамы! О, эти дамы! Вы не знаете, понятия не имеете, что такое эти наивные личики, ангельские улыбки, бархатные лапки. Они

разорвут вас на части, они ни перед чем не задумаются, лишь бы провести своего сына и раздавить чужого! Да, раздавить, раздавить им нужно! Они не задумаются все пустить в ход, им ничего не стоит пуститься «во все тяжкие», лишь бы добиться своего! И сколько тут сала, грязи!.. Сколько тут деревенщины, неотесанности, грубейшего невежества, которое так и сквозит в каждом движении, в каждом жесте!

Она, госпожа Петухова, от одного только прикосновения к этим разодетым кривлякам чувствует дрожь во всем теле, инстинктивное отвращение. Ее природное изящество, которое у нее в крови, содрогается от малейшего прикосновения. Да, госпожа Петухова чистой французской крови! Не думайте, пожалуйста, что раз она была замужем за офицером Петуховым, так она уж и в самом деле какая-нибудь Петухова! Она урожденная Пономарева, и вот именно поэтому-то она и есть чистая француженка. А отчего? Оттого что дураки! Неучи! Оттого что ослы, невежи! Будь это за границей, там бы все понимали, в чем дело, а у нас, когда ее отец, пленный француз Поль-Мари, быть может даже граф какой-нибудь («В Коле есть что-то особенное, что-то заграничное в крови»), оставшись в России и сделавшись управляющим одной помещицы, женился на матери мадам Петуховой, девице из духовного звания, так эти дураки, вместо того чтобы звать его как следует, Поль-Мари, стали коверкать «понмарь», а потом выдумали, мерзавцы, и Пономарева! Вот что такое «урожденная Пономарева»! И все это по-

тому, что подлость, глупость, гадость, зависть, вот почему! Потому что негодяи! Да нет!.. Это ужасно!.. Если только подумать, что ее мальчик, ее Коля, в котором даже слепой увидит удивительные, гениальные черты, унаследованные от матери, от чистой парижской крови ее отца, мальчик живой, впечатлительный, – два раза не может выдержать будто бы экзамена! Не может добиться вакансии ни там, ни там, ни там! Нет! Гаже, отвратительней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.